

Научная статья

УДК 94(571.6)

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.16

Становление системы образования служилого сословия Северо-Востока Азии в XVIII — начале XX века

Алексей Сергеевич Чертков

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, alexchertkov@list.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9990-2887>

Аннотация. В статье исследуется система образования в казачьих училищах и подготовка кадров в учебных заведениях гражданской и военной направленности. Автором сделан вывод о наличии в составе первых отрядов, прибывших в Ленский край в XVII в., достаточного контингента обученных грамоте людей, деятельность которых послужила основой для создания канцелярского делопроизводства. Приведены примеры перекрестной системы подготовки грамотных кадров для казачьей службы, когда дети служилых людей направлялись в учебные заведения за пределами своих регионов. Уточнены даты открытия казачьих училищ в Якутске (1824 г.) и Охотске (1841 г.), а также место работы казачьего училища Колымской казачьей команды в Нижнеколымске (1829 г.). Названа причина, способствовавшая открытию казачьих училищ в регионе: растущая в войсках потребность в грамотных кадрах для выполнения казаками все более разнообразных служебных обязанностей (переводческое и канцелярское дело, участие в научных экспедициях по изучению региона, помощь в организации судоходства и навигации).

Ключевые слова: служилые люди, казаки, казачьи войска, казачьи школы, казачьи училища, навигационные школы, военные училища, кадетский корпус, грамотность, система образования.

Для цитирования: Чертков А. С. Становление системы образования служилого сословия Северо-Востока Азии в XVIII — начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 247—259. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/16_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.16.

Original article

Education system formation for the service class of Northeast Asia in the 18th — early 20th centuries

Alexei S. Chertkov

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia, alexchertkov@list.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9990-2887>

Abstract. The article examines the education system in Cossack schools and personnel training in civil and military educational institutions. The author concludes that the first detachments that arrived in the Lena region in the 17th century included a sufficient contingent of people trained to read and write, whose activities served as the basis for the creation of clerical office work. The article provides examples of a cross-system for training competent personnel for the Cossack service, when the children of service people were sent to educational institutions outside their regions. The author specifies the opening date of the Cossack school in Yakutsk (1824) and Okhotsk (1841), as well as the place of work of the Cossack school of the Kolyma Cossack team in Nizhnekolymsk (1829). The reason contributing to the opening of Cossack schools in the region should be considered the growing need in the troops for competent personnel to perform the increasing variety of official duties performed by the Cossacks as translators, clerical workers, participants in scientific expeditions, and assistance in organizing shipping and navigation.

© Чертков А. С., 2025

Keywords: service people, Cossacks, Cossack troops, Cossack schools, navigation schools, military schools, cadet corps, literacy, education system.

For citation: Chertkov A. S. Education system formation for the service class of Northeast Asia in the 18th — early 20th centuries. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 247—259. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.16>.

Введение

Русские служилые люди являлись одной из основных движущих сил присоединения Северо-Востока Азии к Русскому государству в XVII веке. В дальнейшем они внесли весомый вклад не только в хозяйственное освоение, но и многое сделали для географического, научного изучения края, повышения культурного и образовательного уровня населения региона.

Первые отряды русских служилых людей, снаряженные в Ленский край в 1630-х годах, состояли из разных разрядов находившихся на государевой службе чинов, в том числе казаков, приписанных к сибирским городам (Тобольск, Тюменск, Енисейск, Илимск). Поэтому изучение процессов становления образовательного процесса в крупных сибирских центрах, где в начале XVIII столетия начинают создаваться первые в крае учебные заведения, вписывается в географию настоящего исследования, охватывающего присоединенные к Русскому государству земли на Северо-Востоке Азии.

Проблема грамотности служилого населения Северо-Востока Азии рассматривалась отечественными историками в контексте изучения культурно-бытовых процессов, происходивших в их сословной среде в XVIII — начале XX века [19]. В работах Н. А. Бородина [6], Г. Е. Катанаева [15], А. П. Абрамовского [1] и др. изучены вопросы организации казачьего и военного образования в казачьих войсках Сибири. А. Р. Артемьев рассмотрел историю создания навигацких школ в Восточной Сибири в XVIII веке [2]. В специальных трудах И. И. Майнова [20], С. Ф. Евсеева [11], В. Ф. Афанасьева [3], Ф. Г. Сафронова [31], А. С. Черткова [35] изучен период становления народного и казачьего образования в Якутской области, даны представления о системе организации образовательного процесса. С. Б. Белоглазова [4; 5], М. И. Федорова с соавторами [33] исследовали вопросы реформы войсковых школ и начального образования Амурского и Сибирского казачьих войск во второй половине XIX — начале XX века. Материалы автора данной статьи о казачьих училищах Якутской области использованы в главе 5 «Культура казаков» второго тома коллективной трехтомной монографии «История казачества Азиатской России», созданной учеными Института истории и археологии Уральского отделения РАН [13].

Цель данного исследования — выявить общие закономерности возрастающего интереса различных институтов власти и войскового начальства к повышению уровня грамотности в служилой среде. Задачи исследования — изучить особенности организации образования в казачьих войсках, дать представление о специфике учебного процесса и материальной базе казачьих школ и училищ при подготовке резерва служилого сословия Северо-Востока Азии в XVIII — начале XX в.

В работе использованы делопроизводственные документы центральных и региональных архивов, данные советских и российских исследователей народного образования, а также статистические сведения, опубликованные в «Памятной книжке Якутской области на 1863 г.» [26] и статистико-экономическом очерке «Казачье население Якутской области» (1909) [14].

Результаты исследования

В составе казачьего отряда Ермака, предпринявшего в 1581 г. поход на территорию Сибирского ханства, были «грамотники», «полковые писари» [32, с. 17, 59]. О грамотности служилых людей говорят многочисленные документы, направляемые ими в различ-

ные инстанции, оформленные в принятых в XVII в. канцелярских традициях, составленные как войсковыми писарями, так и самими казаками: донесения, «сказки», статейные списки, отписки, челобитные, доезжие записи, а также требующие специальных навыков чертежи маршрутов и карт, больше напоминающих схемы глазомерных съемок местности по путям следования казачьих отрядов.

До открытия начальных школ обучение детей служилых людей да и самих казаков проходило в семье, частными учителями из числа ссыльных или православных священников. Занимались подобной подработкой и подьячие, а также прочие канцеляристы, которые получали государево жалованье, но были не прочь обучать за дополнительную плату детей из состоятельных служилых семей.

В 1701 г. началось системное обучение «детей поповских и дьяконских и иных охочих людей», когда по государеву предписанию тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому было поручено открыть первую школу. В 1702 г. обучение детей разных сословий проходило в Тобольске в архиерейской школе и городском училище, куда был объявлен дополнительный набор учеников из семей служилых людей и детей других сословий. Учебным планом предусматривалось обучение воспитанников славянской грамоте, латыни, арифметике, геометрии, фортификации и артиллерийскому делу. Наличие некоторых специальных военных дисциплин в составе базовой подготовки учеников училища говорит о том, что детям давались знания, которые они могли применить в ходе непосредственного несения службы в казачьих войсках и командах.

В 1702 г. в училище насчитывалось от 96 до 120 учащихся разных сословий, которым выплачивали «кормовые деньги» из расчета 1,5 коп. на человека [12, с. 236]. В дальнейшем обучение детей служилых сословий в казачьих школах (училищах) не предусматривало выделения им «кормовых денег» или выплат, так как сведения об этом в делах полковых подразделений отсутствуют. Такое внимание к подготовке грамотных кадров в первых сибирских школах (училищах) свидетельствует о выполнении государева распоряжения об организации обучения детей служилого сословия, потребности в кадровом резерве для пополнения казачьих команд и наличии средств на содержание обучающихся.

В 1732 г. указом Сената в городах Томске и Якутске были открыты гарнизонные школы, которые, несмотря на элементарность образовательного процесса и поддерживаемый в них суровый казарменный формат содержания воспитанников, сыграли положительную роль в решении задач просвещения в данных регионах. Родители детей служилого сословия из близлежащих селений отправляли своих отпрысков на учебу в уездные центры, где к тому времени действовали учебные заведения, — в Томск, Якутск, Тобольск, Иркутск, Селенгинск. С 1758 г. прием детей на учебу начала школа в Петропавловской крепости, в 1765 г. — гарнизонные школы в Омской, Ямышевской, Бийской крепостях, в каждой обучалось от 30 до 75 казачьих детей. В 1789 г. на базе Омской гарнизонной школы было открыто «Азиатское училище» для подготовки переводчиков (толмачей), в том числе из казачьих сословий, для коммуникаций с коренными сибирскими народами [12, с. 237, 238].

В целом, если судить по приведенным в работе Г. Е. Катанаева данным, служилое сословие Западной Сибири во второй половине XVIII в. имело в своем составе большое количество обученных грамоте: в 1761 г. сотники и атаманы у линейных казаков имели 100%-ную грамотность, были грамотными 60% капралов и пятидесятников. В 1793 г. в Сибирском войске состояло на службе 37 атаманов, сотников и старшин и 2745 низших чинов и казаков, из которых считались грамотными 36 офицеров и 405 других чинов, или 15% численного состава [15, с. 10—12]. Такой высокий уровень грамотности среди служилого сословия был не во всех командах.

Высокий процент грамотных среди казаков, умевших читать и писать, был в Березове и Сургуте, из 36 сотников Уральского войска неграмотными считались 12 чел., в 1794 г. более 10% красноярских городских казаков были грамотными [12, с. 238].

На уровень грамотности в служилой и казачьей среде сибирских команд большое влияние оказывало не только развитие школьного образования, но и желание казаков самостоятельно обучаться грамоте, так как служебные обязанности, связанные с командировками в дальние округа, и походы не позволяли им в старшем возрасте проходить обучение в училищах.

Создание в начале XVIII в. навигацких школ связано с запросом В. Беринга к правительствующему Сенату, который он сделал по возвращении из первой экспедиции в 1730 г. Речь шла о важности подготовки кадров для осуществления замыслов по организации Второй Камчатской экспедиции. «Для морского пути обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению... сколько надлежит для проезде от Камчатки до Охотска. И ежели б оное учинилось, то б отсюда посылать не надобно; а на всякое судно довольно по 12 или 13 человек для науки» [30, л. 283—288].

В согласованном с Адмиралтейств-коллегией решении Сената о назначении ссыльного Ф. Гейденрейха в школу на Камчатке для обучения детей навигации (5 июня 1735 г.) говорится: «По указу Ее Императорского Величества Правительствующий Сенат по доношениям Адмиралтейской коллегии и отправленного в Камчатскую экспедицию капитана-командора Беринга приказали: бывшего Юстиц-коллегии протонотариуса Фердинанда Гейденрейха, которой сослан в Сибирь по Ревельскому розыскному делу и обретающа ныне в Ыркуцку, определить в Камчатку для обучения малолетних казачьих детей навигации. И за то обучение Ее Императорского Величества жалованья давать ему, Гейденрейху, по сту по пятидесят рублей на год из доходов Сибирской губернии» [28, л. 59]. По мнению коллегии, «помянутого бывшего протонотариуса ко обучению имеющих при Камчатке вышеписанных малолетних казачьих детей навигации определить надлежит, понеже от того обучения последовать может государственная польза, а ссылка ему на Камчатку будет далее сибирских городов» [7, с. 280].

Речь в документе идет о протонотариусе Фердинанде Гейденрейхе: «...Цесарской земли, в службу принят по патенту за подписанием Его Царского Величества руки Июня с 11 числа 1718 года, на 6 лет» [27]. Сосланный в Иркутск иностранец был в 1734 г. приглашен В. Берингом для преподавания в Якутской навигацкой школе, которая была открыта стараниями советника Адмиралтейств-коллегии В. И. Ларионова в 1741 г., в ней обучалось 25 детей казачьего сословия. Навигацкая школа в г. Якутске обучала воспитанников 5 лет, затем из-за отсутствия учителей была закрыта, двери учебного заведения вновь открылись в 1764 г., после чего преподавание в ней велось с переменным успехом до закрытия школы в 1792 г. [2].

В 1740 г. вместо навигацкой школы в Охотске было открыто цифирное учебное заведение, там обучался грамоте и арифметике 21 ученик из разных сословий. Когда в 1756 г. в Охотск были доставлены специальные учебники, то заработала навигацкая школа. По примеру Тобольского городского училища ученикам навигацкой школы, обучающимся только грамоте, Иркутской канцелярией выплачивались «кормовые деньги» из расчета 1 руб. 80 коп. в год, изъявившим желание еще и писать — 1,5 коп. в день, обучающимся же сложным наукам — арифметике, геометрии и тригонометрии — выдавали по 2 коп. Плата ученикам за обучение говорит о внимании и заинтересованности администрации области в создании в Охотске базы подготовки кадров для освоения морских побережий Охотского моря, Сахалина и Камчатки.

В 1849 г. Охотская навигацкая школа была переведена в Петропавловск-Камчатский, получив сначала статус Петропавловского штурманского училища, а затем — Николаевского штурманского училища, в котором она просуществовала с перерывами в обучении до 1870 г. [2]. К провалу данного начинания привели отсутствие заинтересованности местной администрации и финансирования, нехватка опытных преподавателей и учеников.

В 1740-х годах открылась геодезическая школа в Иркутске, в ней обучали арифметике, черчению, геометрии, геодезии, архитектуре, судостроению и мореходству. В 1756 г. якутский казак В. Ляпунов стал преподавать в этой школе японский язык, которому обучился у потерпевших кораблекрушение японцев, подобранных у Курильских островов [18, с. 62, 69, 72]. В навигацкой школе Нерчинска с 1755 по 1765 г. обучали детей разных сословий. В 1758 г. геодезические школы открылись в Тобольске и Томске. В конце 1780-х годов создавались народные училища, одно из них — в Красноярске (1792 г.). В 1799 г. в Тюменском, Нарымском, Туринском, Томском, Енисейском и Тарском народных училищах обучалось 33 учащихся из солдатских и казачьих семей.

В 1754 г. указом Сената от 22 июля 1753 г. была открыта Иркутская навигацкая школа для обучения геодезии и навигации дворянских, боярских, морских, адмиралтейских, солдатских и казачьих детей за счет доходов Иркутской провинции. По данным А. Р. Артемьева, основание школы было связано с организацией Секретной Нерчинской экспедиции 1753—1765 гг., способствовавшей открытию судоходства по Амуру для снабжения Охотского и Удского острогов и строительству на верфи в устье реки не менее трех фрегатов для обследования земель, лежащих к востоку от Камчатки [2].

С увеличением запроса на подготовленные в области навигации и судоходства кадры в середине XVIII в. администрациям региона было предписано наладить обучение в школах детей служилых сословий для обеспечения растущих потребностей в специалистах по морскому делу. Согласно архивным документам Сибирской губернской канцелярии за 1760—1763 гг., большинство неверстанных на службу детей данного сословия из Тобольска, Енисейска, Томска и других городов были грамотными [30, л. 303—344].

Правительство требовало обязательного обучения детей верхушки казачьего сословия, стремясь обеспечить «возрастающую казенную надобность» в грамотных кадрах. В XIX в. эта «надобность» ввиду задач освоения присоединенных дальневосточных территорий и развития мореплавания возрастает.

В 1824 г. в Оренбурге было открыто Неплюевское военное училище, преобразованное в 1844 г. в кадетский корпус. Это было одно из образцовых учебных заведений, располагавшее хорошей материальной базой и частично финансируемое казной. Помимо обязательных дисциплин его воспитанников обучали «Магометанскому закону», французскому, немецкому, арабскому, персидскому и татарскому языкам, гимнастике, танцам, фехтованию и верховой езде [12, с. 241].

В 1825 г. командованием Сибирского казачьего войска было отменено обязательное обучение детей служилых людей. В 1846 г. Омское училище Сибирского линейного казачьего войска было преобразовано в Сибирский кадетский корпус, в нем обучались дети служилого сословия со всей Сибири [12, с. 242].

По данным Ф. Г. Сафронова, в окружных центрах Якутской области в начале XIX в. в школах обучались грамоте главным образом дети служилого сословия. По документам 1806 г. видно, что у служивших в Гижигинской казачьей команде, приписанной к Якутскому казачьему полку, из 82 казачьих детей мужского пола не обучались за неимением книг 9 чел., по болезни — 1 чел., ввиду малолетства — 26 чел. В Гижигинске же находились 103 мальчика — дети солдат и офицеров частей регулярной армии, из них не обуча-

лось лишь малое число детей: «за малолетством» — 35 чел., «за слепотою» — 3 чел. и «за глухотою» — 1 чел. [31, с. 222—223]. В 1809 г. в Гижиге обучалось 47 детей от 6 до 17 лет, их знания оценивались по критериям «понятный и радетельный к ученью», «не понятен» и «непонятный и нерадетельный» [29, л. 178—188]. В 1812 г. для русских и якутских детей открылись двери Олекминского уездного училища, где обучали чтению, письму, арифметике, чистописанию, черчению, анатомии, природоведению, домоводству.

Большую работу по организации Сибирского казачьего войска провел генерал-лейтенант Г. И. Глазенап, назначенный в 1807 г. инспектором Сибирской инспекции и начальником Сибирской линии. Г. И. Глазенапу были подчинены войска, расположенные на огромном расстоянии от Тобольска до Камчатки. По его приказу в 1810 г. были открыты полковые школы в 10 отделениях линейного войска, в 1813 г. в Омске учреждено училище Сибирского казачьего войска, сочетавшее в программе обучения школьный и гимназический курсы. В 1817 г. здесь обучалось около 300 чел. [12, с. 239]. В 1815 г. во всех поселениях Сибирского войска были открыты станичные школы, казачьи дети должны были посещать их в обязательном порядке с 7 лет. В 1825 г. в 117 станичных школах обучалось 2638 воспитанников, что не замедлило сказаться на повышении уровня грамотности в служилой среде [15, с. 12—13].

Управляющие казачьими командами, расположенными в различных городах Якутской области, направляли полковому начальству просьбы об открытии под своим началом казачьих школ, именуемых «училищами». Они мотивировали свои прошения повсеместной неграмотностью казаков, из-за которой «встречается много затруднений по службе», кадровый голод побуждал местное начальство настойчиво проводить такую линию, так как «выбирать на различные должности, требующие знаний, было некого» [22, л. 431]. В. Ф. Афанасьев считает, что именно крайний дефицит в образованных людях стал основным мотивом, повлиявшим на решение правительства об открытии якутских казачьих училищ [3, с. 116].

Вопросам зарождения народного образования в Якутии посвящено несколько исследований, авторы которых считают 1826 г. датой открытия первого казачьего училища в г. Якутске [11, с. 74]. Ошибочные сведения о датировке начала работы этого училища содержатся в «Памятной книжке Якутской области на 1863 г.» [26, с. 120], они и ввели в заблуждение других исследователей. Архивные источники, обнаруженные автором в фонде Якутского казачьего полка НА РС(Я), дают точный ответ: «По предписанию Иркутского губернатора казачье училище в Якутске было основано в 1824 г.» [22, л. 431]. Подтверждают эту дату и сведения о количестве обучающихся здесь казачьих детей: в 1824—1825 гг. — 25 чел., в 1825—1826 гг. — 33 чел., в 1826—1827 гг. — 25 чел., в 1829—1830 гг. — 22 чел., в 1832—1833 гг. — 15 чел. [31, с. 223].

Подобная ошибка допущена и с датой открытия Охотского казачьего училища, которое было основано не в 1843 г., как утверждает В. Ф. Афанасьев [3, с. 117], а в 1841 г. [22, л. 435]. Неверно указано и место открытия казачьего училища в Колымской казачьей команде: оно начало свою просветительскую деятельность в 1829 г. не в г. Среднеколымске [3, с. 116], а в Нижнеколымске [21, л. 213], где находился управляющий командой в этом самом отдаленном от областного центра улусе. Нижнеколымское училище размещалось в пожертвованном местными жителями деревянном доме из трех комнат. В г. Среднеколымск казачье училище перевели в 1850 г., так как в городе к тому времени было больше казачьих детей. Обучать их предполагалось в доме, занимаемом больницей [25, л. 52].

В 1829 г. начальное казачье училище было открыто в г. Вилуйске. Программа обучения включала Закон Божий, русский язык, арифметику, отечественную и естественную

историю [31, с. 223]. Обучение в казачьих училищах было бесплатным, содержались они за счет пожертвований местных жителей и скудных средств казачьего полка.

Обеспечение казачьих училищ материальной базой и учебной литературой возлагалось на Якутский казачий полк, который выделял из своего бюджета на содержание всех учебных заведений 171 руб. 30 коп. в год [22, л. 23]. Данных средств не хватало для нормальной организации учебного процесса, в результате чего училища владели самым жалким существованием. Вилуйское казачье училище, открытое в 1829 г., пришлось закрыть в 1836 г. из-за малого числа учеников, и только в 1849 г. снова стали принимать детей на обучение. Училище располагалось в непригодном помещении. И. И. Майнов так описал это здание: «Замечательно тесное, сырое, угарное, темное, холодное и ветхое, доступное ветру и дождю». Учебников и письменных принадлежностей училище не имело, поэтому учителя вынуждены были вести преподавание «изустно», а ученики заучивали буквы «по печатным листкам, хранящимся в конторке и когда-то составлявшим какие-то книги» [20, с. 193—194].

В 1897 г. Вилуйский окружной исправник в своем донесении в Якутск писал: «В Вилуйской казачьей школе в установленном количестве нет ни столов, ни стульев, ни книжного шкафа, нет даже кровати для учителя» [3, с. 119]. На пожертвованные местными жителями средства учитель П. Х. Староватов привел школу в надлежащий вид, создал при ней библиотеку, организовал помощь детям бедных родителей.

Со временем казачьи училища области стали обзаводиться учебной литературой. Во второй половине XIX в. дети казаков обучались по букварям, «Краткой Священной истории», книгам священного писания Ветхого и Нового завета, «Арифметике» Ф. И. Буссе, «Грамматике» А. Х. Востокова и «Географии» К. И. Арсеньева [23, л. 14]. Навыки чистописания совершенствовались по «прописям печатным» и «прописям скорописным», а из оборудования в классах должны были быть доски аспидные, грифели, ножи перочинные и чернильные наборы. Для учащихся были разработаны специальные «Правила училищ». В первые годы работы казачьих училищ знания учащихся в них оценивались на «худо», «изрядно», «хорошо» и «очень хорошо» [31, с. 223]. После введения в 1841 г. в учебных заведениях Министерства народного просвещения цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости она выглядела следующим образом: 5 («отлично»), 4 («хорошо»), 3 («удовлетворительно»), 2 («посредственно»), 1 («неудовлетворительно») [23, л. 363].

Зачастую дети казаков не посещали занятий ввиду того, что их «удерживали родители или те лица, у коих они живут» [22, л. 422, 429]. Родители и родственники учащихся поступали так из-за привлечения детей к работе по хозяйству или по дому, кроме того, родительский запрет действовал и во время церковных праздников. Ученики пропускали занятия в зимнее время, так как «при бедном положении отцов их, не имея теплой одежды и обуви» не могли добраться до училища, не причинив вреда своему здоровью.

Преподавателями якутских казачьих училищ в командах были довольно грамотные воспитатели: М. Шахурдин, Д. и С. Жирковы, С. Попов, К. Цыпандин, М. Киренский, А. Чартков, П. Староватов, Г. Иванов. С их именами связано становление казачьего образования в области и обучение детей других сословий. Получая за свой труд малое вознаграждение, которое к тому же зачастую запаздывало на значительный срок, учителя на свои деньги покупали недостающие для обучения пособия, учебники, письменные принадлежности. Так, учитель Колымского казачьего училища и управляющий командой А. Чартков «при бессильном своем семействе и бедном состоянии встречал величайшие изнурения и впал в неоплатные долги» из-за того, что был с 1843 по 1848 г. «неудовлет-

ворен» жалованьем в размере 644 руб. [25, л. 55]. Тем не менее процесс обучения в училище не прерывался.

Формирование контингента обучающихся казачьих училищ Якутской области происходило по свободному принципу: в них обучались дети мещан, крестьян, солдат, якутов [21, л. 56, 214]. Поэтому данные о количестве обучающихся в казачьих училищах, направляемые атаману полка, включают сведения и о детях других сословий.

Второй половине XIX в. свойственен подъем грамотности во всех казачьих войсках Российской империи. И в основном он был обусловлен работой начальных казачьих школ. Радением атамана Уральского казачьего войска генерал-майора А. Д. Столыпина в 1861 г. в войске работало 100 учебных заведений — в основном народные школы в казачьих селах, были также открыты отделения Уральского войскового училища в Гурьеве, Илеке, Сакмарском городке [6, с. 189]. К 1875 г. в Оренбургском войске действовало 318 станичных и поселковых школ, где обучалось 17 919 детей обоего пола [1, с. 47—50]. В 1867 г. для обучения детей казаков иррегулярных войск Оренбургского, Туркестанского и Западно-Сибирского военных округов начало работать Оренбургское казачье юнкерское училище. Офицерские кадры для Оренбургского войска в 1880-х годах готовились в академиях, военных училищах, кадетских корпусах, военных гимназиях, юнкерском училище. В 1886 г. Сибирское казачье войско направляло воспитанников для продолжения обучения в другие учебные заведения региона — Омский кадетский корпус, Оренбургское юнкерское училище; из Забайкальского казачьего войска дети казаков учились в военной гимназии, юнкерском училище; из Амурского войска — в военном училище, кадетском корпусе, военной гимназии, юнкерском училище. С 1874 г. офицерские чины казачьих войск проходили обучение в Иркутском юнкерском пехотном училище и с 1900 г. — в Хабаровском кадетском корпусе [8, с. 175—179, 180—182].

В конце XIX в. в Якутской области получает распространение практика направления наиболее отличившихся в учебе детей казачьего сословия в училища другого профиля внутри области. Так, в 1881 г. дети казачьего сословия присутствовали среди обучающихся в следующих учебных заведениях области: в Якутской прогимназии — 9 чел.; в городских училищах г. Якутска — 4 чел., г. Олекминска — 7 чел., г. Вилюйска — 15 чел., г. Верхоянска — 2 чел. [24, л. 50]. В 1891 г. 10 казачьих детей получали образование в Якутской мужской прогимназии, 5 чел. — в женской прогимназии, 2 чел. — в Якутской духовной семинарии, 3 чел. — в приходском училище, 18 чел. — в духовном училище, 12 детей были направлены в приют. Полковое начальство было заинтересовано в подготовке обученных грамоте служилых людей и поддерживало их стремление к учебе. Якутский казачий полк был обязан снабжать направленных на учебу воспитанников учебниками и письменными принадлежностями.

Наиболее способные к учебе казачьи воспитанники отправлялись продолжать обучение в училище Иркутской губернии, находившееся в ведении Министерства народного просвещения. С 1880 г. был разрешен прием якутских казаков в военное учебное заведение — Иркутское юнкерское училище [9, л. 2—4]. Преимущественным правом на получение образования пользовались дети зажиточных казаков. Они отправляли своих отпрысков для продолжения учебы в различные образовательные заведения Казани, Иркутска, Петербурга и других городов [25, л. 39].

Возможность получения начального образования на местах позволяла наиболее способным к наукам детям из казачьих семей не только получать образование в престижных университетах, но и внести заметный вклад в науку. Иван Лаврентьевич Кондаков (1857—1931), один из выпускников Вилюйского казачьего училища, стал впоследствии ученым с мировым именем. Первым учителем казачьего самородка, сумевшим развить

природные способности своего ученика, был Н. Г. Чернышевский, отбывавший ссылку в г. Вилуйске. Хорошо обученный юноша успешно окончил прогимназию, затем гимназию и поступил учиться на физико-математический факультет Петербургского университета, где под руководством известного русского химика А. М. Бутлерова всерьез занялся научными исследованиями.

В 1885 г. И. Л. Кондаков получил степень магистра химии за диссертацию «О соляных синтезах под влиянием хлористого цинка в ряду жирных соединений». Затем молодой ученый был назначен экстраординарным профессором фармации Юрьевского университета, вскоре избран ординарным профессором, читал курсы лекций по фармации, фармакогнозии, фармацевтической химии, судебно-химическому анализу, являлся директором фармацевтического института при университете.

Профессор Варшавского университета Д. Л. Давыдов высоко оценил научные труды И. Л. Кондакова «Краткий исторический очерк развития фармации и причины упадка фармацевтической школы» [16] и «Несколько замечаний о книге “Курс фармации” В. А. Тихомирова». Д. Л. Давыдов писал, что «первая статья увековечивает его (И. Л. Кондакова. — А. Ч.) вступительную лекцию, а другая — является не менее достойным продолжением первой» [10].

Профессор И. Л. Кондаков — автор 150 научных монографий и статей по проблемам алифатических соединений и синтетических каучуков. В 1901 г. И. Л. Кондакову впервые в мире в лабораторных условиях удалось получить синтетический каучук. Результаты своей работы он обобщил в ценнейшей для науки монографии «Синтетический каучук, его гомологи и аналоги» [17]. Сын вилуйского казака стал одним из основателей российской фармацевтической науки, создателем редкого искусственного сырья.

Результатом положительной деятельности казачьих училищ явился рост образовательного уровня служилого сословия Якутской области. В начале XX в. в командах Якутского казачьего полка насчитывалось 37,5% грамотных казаков, малограмотных — 20%; наибольший процент грамотных казаков был зафиксирован переписчиками Якутского областного статкомитета в Вилуйской команде — 56,1%, Верхоянской команде — 50,0% и Колымской команде — 69,6%. Низкие показатели грамотности отмечены в Якутской (26,4%) и Олёкминской (22,9%) командах (табл. 1).

Таблица 1

Грамотность казаков в командах Якутского казачьего полка по итогам анкетирования Якутским областным статистическим комитетом 315 казачьих хозяйств в июле 1907 г. — июне 1908 г.

Команда	Количество казаков	Доля грамотных, %	Доля малограмотных, %	Доля неграмотных, %
Якутская	140	26,4	57,2	16,4
Олёкминская	61	22,9	57,4	19,7
Вилуйская	57	56,1	15,8	28,1
Верхоянская	24	50,0	20,8	29,2
Колымская	33	69,6	15,2	15,2
В среднем по полку	315	37,5	42,5	20,0

Источник: [14, с. 8].

Говоря о значении казачьих училищ в образовании населения Якутского округа, Ф. Г. Сафронов пишет, что «они давали основы грамоты, и люди, обучавшиеся в них, могли потом работать канцеляристами и чиновниками. Таким путем появлялись грамотные люди и из среды аборигенного населения — якутов, тунгусов, чукчей и др.» [31, с. 224]. Благодаря грамотности и способностям в переводческом деле в начале XIX в. казаки

участвовали в работе научных экспедиций М. М. Геденштрома, Ф. П. Врангеля, П. Анжу, А. Ф. Миддендорфа, Г. Л. Майделя, А. Л. Чекановского, Н. Д. Юргенса, А. А. Бунге, Э. В. Толля, И. Д. Черского и др., изучавших обширные северные территории [34]. Наиболее подготовленные в научном плане казаки прошли школу полярных и региональных экспедиций, в дальнейшем работали над систематизацией результатов исследований.

Заключение

В числе первых русских служилых людей, прибывших в Ленский край в XVII в., были писари, подьячие и другие канцеляристы, обладавшие навыками составления разнообразных документов, в которых фиксировалась деятельность казачьих отрядов, предпринявших походы в глубь северо-восточных земель. Они же проделали серьезную работу по составлению первых карт и маршрутов будущих первопроходцев.

Администрация сибирских городов начиная с 1701 г. и в последующем выполняла поручения правительствующего Сената об организации в войсках системного обучения детей служилого и казачьего сословий азам грамоты и обеспечивала из своих средств содержание открытых учебных заведений. В 1730-х годах в сибирских и забайкальских казачьих войсках наблюдалась тенденция направления детей служилого сословия в учебные заведения других уездных центров, что способствовало улучшению качества образования и расширению кругозора у воспитанников. Во второй половине XVIII в. процент обученных грамоте казаков в войсках Западной Сибири был значителен, тогда как на северо-восточной окраине администрация Якутского уезда начала введение системы казачьего образования только в начале XIX в.

Важнейшими причинами, способствовавшими открытию школ и училищ, следует считать растущую потребность в грамотных кадрах для выполнения казаками разнообразных служебных обязанностей, а именно: переводческое дело, канцелярское дело, участие в научных экспедициях по изучению региона, помощь в организации судоходства и навигации.

Стимулом для обучения большего числа детей служилого сословия навигации и судоходному делу в 1730—1740-х гг. послужили масштабные работы по подготовке Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. Растущая потребность в специалистах по морскому делу способствовала открытию навигацких школ в Якутске, Охотске, Нерчинске, геодезических школ в Иркутске, Тобольске, Томске и других региональных центрах. Не забывало правительство и о подготовке кадров для военной службы, открывая и финансируя кадетские и юнкерские училища.

Большую роль в увеличении числа грамотных казаков сыграло открытие в казачьих войсках и командах местных школ (училищ), в которых обучались дети разных сословий, что способствовало повышению образовательного уровня населения отсталых окраин. К особенностям организации учебного процесса в казачьих учебных заведениях следует отнести подвижную роль местных учителей, набравшихся из числа образованных служилых и отставных чинов, слабую материальную и учебную базу большинства казачьих школ, которые, несмотря на сложные условия, обеспечивали необходимый уровень знаний своим воспитанникам.

Список источников

1. Абрамовский А. П. Становление и развитие народного образования в Оренбургском казачьем войске (1819—1900 гг.) // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск : ЧГУ, 1994. С. 34—59.
2. Артемьев А. Р. Навигацкие школы в Восточной Сибири в XVIII веке // Тальцы. 2001. № 1 (12). С. 3—11.
3. Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск : Якуткнигоиздат, 1966. 344 с.

4. Белоглазова С. Б. Образование для казака: pro et contra // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. С. 147—158. DOI: 10.24412/2658-5960-2022-37-147-158.
5. Белоглазова С. Б. Реформа войсковых школ Амурского казачьего войска (конец XIX — начало XX в.) // Казачество. 2022. № 58 (1). С. 20—29.
6. Бородин Н. А. Уральское казачье войско. Уральск : Уральское войсковое хозяйственное правление, 1891. 943 с.
7. Вторая Камчатская экспедиция : документы, 1734—1736. Т. 6. СПб. : Нестор-История, 2009. 934 с.
8. Галушко Ю. Казачьи войска России. Краткий историко-хронологический справочник казачьих войск до 1914 г. М. : Русский мир, 1993. 231 с.
9. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 2. Д. 87.
10. Давыдов Д. Л. Драгоценная посылка (О брошюре профессора И. Л. Кондакова «Краткий исторический очерк развития фармации и причины упадка фармацевтической школы»). М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1895. 18 с.
11. Евсеев С. Ф. Развитие народного образования и помощь русского народа // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск : Якуткнигоиздат, 1955. 275 с.
12. История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург : НИСО УрО РАН, 1995. 1995. 318 с.
13. История казачества Азиатской России. Т. 2. Екатеринбург : НИСО УрО РАН, 1995. 1995. 254 с.
14. Казачье население Якутской области : статистико-экономический очерк. СПб. : Тип. Мин-ва внутренних дел, 1909. 104 с.
15. Катанаев Г. Е. Западносибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1. СПб. : В. Березовский, 1908. 115 с.
16. Кондаков И. Л. Краткий исторический очерк развития фармации и причины упадка фармацевтической школы. СПб. : Губ. тип., 1895. 29 с.
17. Кондаков И. Л. Синтетический каучук, его гомологи и аналоги (Другие печатные труды того же автора). Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 154 с.
18. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 251 с.
19. Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск : Наука, 1985. 237 с.
20. Майнов И. И. Зачатки народного образования в Якутской области // Сибирский сборник. Иркутск : Восточное обозрение, 1897. № 3. С. 174—229.
21. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 401. Оп. 1. Д. 15.
22. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 37.
23. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 75.
24. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 295.
25. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 330.
26. Памятная книжка Якутской области на 1863 г. СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1864. 214 с.
27. Поленов Д. В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом: (Сост. по подлинным документам, хранящимся в Архиве Министерства юстиции). М. : Тип. Грачева и Ко, 1869. 5 с.
28. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 33. Кн. 2081.
29. РГАДА. Ф. 1096. Д. 51.
30. Российский государственный исторический архив. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41.
31. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М. : Наука, 1978. 258 с.
32. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1986. 317 с.
33. Федорова М. И., Панов С. А., Манченко К. А. Опыт институционализации казачьего начального образования как исторического феномена сохранения идентичности казачьего сословия (На материалах Сибирского казачьего войска. Вторая половина XIX — начало XX в.) // Казачество. 2023. № 71 (6). С. 64—71.
34. Чертков А. С. Возрастающая роль служилых людей в научном изучении Северо-Востока Азии в XVII — начале XX века // Северные Архивы и Экспедиции. 2023. Т. 7, № 3. С. 86—94.
35. Чертков А. С. Якутское казачество во второй половине XIX — начале XX в. М. : Контакт РЛ, 1996. 184 с.

References

1. Abramovskii A. P. Stanovlenie i razvitie narodnogo obrazovaniya v Orenburgskom kazach'em voiske (1819—1900 gg.) [Formation and development of public education in the Orenburg Cossack army (1819—1900)]. *Orenburgskoe kazach'e voisko. Istoricheskie ocherki* [Orenburg Cossack army. Historical essays]. Chelyabinsk, ChGU Publ., 1994, pp. 34—59. (In Russian)

2. Artem'ev A. R. Navigatskie shkoly v Vostochnoi Sibiri v XVIII veke [Navigation schools in Eastern Siberia in the 18th century]. *Tal'tsy*, 2001, no. 1 (12), pp. 3—11. (In Russian)
3. Afanas'ev V. F. *Shkola i razvitie pedagogicheskoi mysli v Yakutii* [School and development of pedagogical thought in Yakutia]. Yakutsk, Yakutknigoizdat Publ., 1966. 344 p. (In Russian)
4. Beloglazova S. B. *Obrazovanie dlya kazaka: pro et contra* [Education for a Cossack: Pro et Contra]. *Trudy instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN — Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 2022, vol. 37, pp. 147—158. DOI: 10.24412/2658-5960-2022-37-147-158. (In Russian)
5. Beloglazova S. B. *Reforma voiskovykh shkol Amurskogo kazach'ego voiska (konets XIX — nachalo XX v.)* [Reform of the military schools of the Amur Cossack army (late 19th — early 20th century)]. *Kazachestvo*, 2022, no. 58 (1), pp. 20—29. (In Russian)
6. Borodin N. A. *Ural'skoe kazach'e voisko* [Ural Cossack Army]. Uralsk, Ural'skoe voiskovoe khozyaistvennoe pravlenie Publ., 1891. 943 p. (In Russian)
7. *Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: dokumenty, 1734—1736. T. 6* [Second Kamchatka Expedition. Documents, 1734—1736. Vol. 6]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009. 934 p. (In Russian)
8. Galushko Yu. *Kazach'i voiska Rossii. Kratkii istoriko-khronologicheskii spravochnik kazach'ikh voisk do 1914 g.* [Cossack armies of Russia. Brief historical and chronological directory of Cossack hosts to 1914]. Moscow, Russkii mir Publ., 1993. 231 p. (In Russian)
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State Archives of the Irkutsk region]. F. 25. Op. 2. D. 87.
10. Davydov D. L. *Dragotsennaya posylka (O broshyure professora I. L. Kondakova "Kratkii istoricheskii ocherk razvitiya farmatsii i prichiny upadka farmatsevticheskoi shkoly")* [Precious parcel (About the brochure of professor I. L. Kondakov "A Brief Historical Essay on the Development of Pharmacy and the Reasons for the Decline of the Pharmaceutical School")]. Moscow, Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i Ko Publ., 1895. 18 p. (In Russian)
11. Evseev S. F. *Razvitie narodnogo obrazovaniya i pomoshch' russkogo naroda* [Development of public education and the help of the Russian people]. *Vedushchaya rol' russkogo naroda v razvitiu narodov Yakutii* [The leading role of the Russian people in the development of the peoples of Yakutia]. Yakutsk, Yakutknigoizdat Publ., 1955. 275 p. (In Russian)
12. *Istoriya kazachestva Aziatskoi Rossii. T. 1* [History of the Cossacks of Asian Russia. Vol. 1]. Yekaterinburg, NISO UrO RAN Publ., 1995. 318 p. (In Russian)
13. *Istoriya kazachestva Aziatskoi Rossii. T. 2* [History of the Cossacks of Asian Russia. Vol. 2]. Yekaterinburg, NISO UrO RAN Publ., 1995. 254 p. (In Russian)
14. *Kazach'e naselenie Yakutskoi oblasti: statistiko-ekonomicheskii ocherk* [Cossack population of the Yakut region. Statistical and economic essay]. St. Petersburg, Tip. Min-va vnutrennikh del Publ., 1909. 104 p. (In Russian)
15. Katanaev G. E. *Zapadnosibirskoe sluzhiloe kazachestvo i ego rol' v obsledovanii i zanyatii russkimi Sibiri i Srednei Azii. Vyp. 1* [West Siberian service Cossacks and their role in the exploration and occupation of Siberia and Central Asia by Russians. Vol. 1]. St. Petersburg, V. Berezovskii Publ., 1908. 115 p. (In Russian)
16. Kondakov I. L. *Kratkii istoricheskii ocherk razvitiya farmatsii i prichiny upadka farmatsevticheskoi shkoly* [A brief historical essay on the development of pharmacy and the causes of the decline of the pharmaceutical school]. St. Petersburg, Gub. tip. Publ., 1895. 29 p. (In Russian)
17. Kondakov I. L. *Sinteticheskii kauchuk, ego gomologi i analogi (Drugie pechatnye trudy togo zhe avtora)* [Synthetic rubber, its homologues and analogues (Other printed works by the same author)]. Yuryev, Tip. K. Mattisena Publ., 1912. 154 p. (In Russian)
18. Kopylov A. N. *Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII — nachala XIX v.* [Essays on the cultural life of Siberia in the 17 — early 19th centuries]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1974. 251 p. (In Russian)
19. *Kul'turno-bytovye protsessy u russkikh Sibiri XVIII — nachala XX v.* [Cultural and everyday processes among Russians of Siberia in the 18th — early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 237 p. (In Russian)
20. Mainov I. I. *Zachatki narodnogo obrazovaniya v Yakutskoi oblasti* [The beginnings of public education in the Yakut region]. *Sibirskii sbornik* [Siberian collection]. Irkutsk, Vostochnoe obozrenie Publ., 1897, no. 3, pp. 174—229. (In Russian)
21. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya)* [National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)] (NA RS(Ya)). F. 401. Op. 1. D. 15.
22. NA RS(Ya). F. 401. Op. 1. D. 37.
23. NA RS(Ya). F. 401. Op. 1. D. 75.
24. NA RS(Ya). F. 401. Op. 1. D. 295.
25. NA RS(Ya). F. 401. Op. 1. D. 330.
26. *Pamyatnaya knizhka Yakutskoi oblasti na 1863 g.* [Commemorative book of the Yakut region for 1863]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i Ko Publ., 1864. 214 p. (In Russian)

27. Polenov D. V. *O prisyage inozemtsev, prinyatykh v russkuyu sluzhbu pri Petre Velikom: (Sost. po podlinnym dokumentam, khranyashchimsya v Arkhivе Ministerstva yustitsii)* [On the oath of foreigners accepted into Russian service under Peter the Great. (Comp. according to original documents stored in the Archive of the Ministry of Justice)]. Moscow, Tip. Gracheva i Ko Publ., 1869. 5 p. (In Russian)
28. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 248. Op. 33. Kn. 2081.
29. RGADA. F. 1096. D. 51.
30. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 730. Op. 1. D. 41.
31. Safronov F. G. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII — seredine XIX v.* [Russians in Northeast Asia in the 17th — mid-19th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 258 p. (In Russian)
32. Skrynnikov R. G. *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Yermak's Siberian expedition]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 317 p. (In Russian)
33. Fedorova M. I., Panov S. A., Manchenko K. A. Opyt institutsializatsii kazach'ego nachal'nogo obrazovaniya kak istoricheskogo fenomena sokhraneniya identichnosti kazach'ego sosloviya (Na materialakh Sibirskogo kazach'ego voiska. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Experience of institutionalization of Cossack primary education as a historical phenomenon of preserving the identity of the Cossack class (Based on the materials of the Siberian Cossack army. Second half of the 19th — early 20th century)]. *Kazachestvo*, 2023, no. 71 (6), pp. 64—71. (In Russian)
34. Chertkov A. S. Vozrastayushchaya rol' sluzhilykh lyudei v nauchnom izuchenii Severo-Vostoka Azii v XVII — nachale XX veka [The increasing role of service people in the scientific study of Northeast Asia in the 17th — early 20th centuries]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 86—94. (In Russian)
35. Chertkov A. S. *Yakutskoe kazachestvo vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Yakut Cossacks in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Moscow, Kontakt RL Publ., 1996. 184 p. (In Russian)

Информация об авторе

А. С. Чертков — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

A. S. Chertkov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 07.10.2024;
accepted for publication 20.02.2025